

TALLINNA TEHNIKAÜLIKOOL

Majandusteaduskond

Rahvusvaheliste suhete instituut

Rahvusvaheliste suhete ja politoloogia õppetool

Kristina Tsaikina

**ПАРТНЕРСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА С ГРУЗИЕЙ,
МОЛДОВОЙ И УКРАИНОЙ: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ «ИГРА
В АССОЦИАЦИЮ», ИЛИ ГЕОПОЛИТИКА
СОВРЕМЕННОЙ ИМПЕРИИ**

Бакалаureusetöö

Juhendaja: Vlad Vernygora

Tallinn 2016

Olen koostanud töö iseseisvalt.

Töö koostamisel kasutatud kõikidele teiste autorite töödele, olulistele seisukohtadele ja andmetele on viidatud.

Kristina Tsaikina

Üliõpilase kood: 124157

Üliõpilase e-posti aadress: kristy.t09@gmail.com

Juhendaja Vlad Vernygora

Töö vastab bakalaureusetööle esitatud nõuetele

.....

(allkiri, kuupäev)

СОДЕРЖАНИЕ

АННОТАЦИЯ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
1. От Европейской Политики Соседства к Восточному Партнерству.....	9
1.1. “Европейская Политика Соседства” и ее характерные черты	9
1.2. Цели и принципы “Европейской политики соседства”	10
1.3. Недостатки ЕПС.....	12
2. Восточное партнерство	14
2.1. Инициаторы и причины возникновения “Восточного партнерства”	14
2.2. Цели и направление Восточного Партнерства	15
2.3. Действие Восточного Партнерства на практике.....	16
2.4. Финансирование “Восточного партнерства”	18
3. Теоретический подход Европейского Союза к Восточному Партнерству	20
3.1. Первая школа – ЕС как современная империя	20
3.1.1. Дефиниция понятия “империя”	21
3.1.2. Имперские черты ЕС и ее периферия	22
3.2. Вторая школа – неофункционалитский подход ЕС к ВП.....	26
3.2.1. Постулаты неофункционализма	27
3.2.3. Критика неофункционализма	30
3.3. Третья школа – конструктивизм и нормативная сила.....	32
3.3.1. Конструктивизм в международных отношениях	32
3.3.2. Роль ЕС и ассоциированных стран	34
3.3.4. Европейский Союз как нормативная сила	36
3.3.5. Диссонансы нормативной стратегии ЕС	37
Заключение.....	40
Summary.....	43
Список использованной литературы	46

АННОТАЦИЯ

Данная работа посвящена актуальной теме современных международных отношений – партнерству Европейского Союза (ЕС) с тремя ассоциированными государствами-участниками Восточного Партнерства: Грузией, Молдовой и Украиной. В данной дипломной работе было уделено внимание становлению Европейской Политики Соседства, которая в силу своей относительно слабой результативности распалась на два направления, одним из которых является Восточное измерение. Автором были рассмотрены теоретические подходы в отношении интерпретации процесса дальнейшей интеграции трех стран, которые только спустя 7 лет после запуска Восточного Партнерства сумели добиться заключения ключевых соглашений – об Ассоциации и Углубленной и Всеобъемлющей Зоне Торговли. При помощи неофункционалистского и конструктивистского подхода, а также используя трактовку ЕС как современной империи и нормативной силы в дипломной работе «Партнерство Европейского Союза с Грузией, Молдовой и Украиной: функциональная «игра в ассоциацию», или геополитика современной империи» был сделан вывод, что ассоциированным странам не стоит надеется на более глубокое взаимодействие с объединением в силу внутренних проблем и внешних обстоятельств.

Ключевые слова: Европейская Политика Соседства, Восточное Партнерство, неофункционализм, конструктивизм, империя, Соглашение об Ассоциации.

ВВЕДЕНИЕ

Для Европейской Политики Соседства (ЕПС) 2014 год был ознаменован выходом на новый уровень по отношению к трем странам: Грузии, Молдове и Украины. Были заключены Соглашения об Ассоциации, подписание которых было обозначено в Сообщении Европейской Комиссии главной целью программы Восточное партнерство (ВП) (2008, 4). Для того, чтобы воплотить данную цель у Европейского Союза (ЕС или Евросоюза) ушло около семи лет. Программа ВП была предложена на заседании Европейского Совета в 2008 году бывшим премьер-министром Польши Р. Сикорским, так как стабильность, эффективное управление и экономическое развитие стран к востоку и югу от границ ЕС является важным и жизненно необходимым для союза (Офицеров-Бельский 2013, 153). Более того, страны Восточной Европы и Южного Кавказа были активно заинтересованы в стремлении сблизиться Евросоюзом. В свою же очередь, он видел политику по отношению к данным странам активной и недвусмысленной: ЕС считал, что должен помогать данным странам в проведении реформ, что приведет к сближению, однако это могло быть достигнуто путем реализации Восточного измерения – ответвлением Европейской Политики Соседства. В этом же году на чрезвычайной сессии Европейского Совета, состоявшейся 1 сентября, было выражено желание ускорить работу в данном направлении из-за конфликта в Грузии в августе 2008 года. В Сообщении Европейской Комиссии для Европейского Парламента и Европейского Совета от 3 декабря сказано буквально следующее (2008, 3): “Восточное партнерство должно стать долговременным политическим сигналом солидарности ЕС, усиленным дополнительной значительной поддержкой проведения странами-партнерами реформ, направленных на развитие демократии и рыночных отношений, укрепления их государственности и территориальной целостности. Это отвечает интересам стабильности, безопасности и процветания ЕС, стран-партнеров и континента в целом”.

Президент Европейской Комиссии Жозе Мануэл Баррозу обозначил, что Восточное партнерство не направлено на присоединение стран-партнеров к ЕС, его

целью является подписание Соглашение об Ассоциации в ближайшие годы с шестью странами: Грузией, Молдовой, Азербайджаном, Украиной, Арменией и Беларусью (Лидеры ЕС одобрили политику Восточного партнерства. От властей Беларуси ждут реформ 2008).

Благодаря соглашениям должны быть установлены прочные политические связи, оказано содействие сближению стран-партнеров с ЕС путем приведения законодательства и стандартов в соответствие с стандартам ЕС, а также создание углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли с каждой страной-партнером. Более того, ВП нацелено на более широкую интеграцию в экономику ЕС шести стран и на усиление энергетической безопасности.

Однако, только в 2014 году было подписано Соглашение об Ассоциации с тремя странами: Грузией, Молдовой и Украиной. Потребовалось около семи лет для того, чтобы частично достичь установленные задачи ВП и то, только три страны дошли до намеченной цели – подписание договора. Тут же напрашивается вопрос: чего ожидать странам-партнерам от соглашения об ассоциации и что дальше с ним делать, если ЕС не желает видеть никого из членов ВП в своем составе из-за идеологических, экономических и политических причин, но в то же самое время ЕС не хочет разрушать иллюзий у стран-партнеров по поводу членства (Мирзаян 2015)?

Ведь еще до подписания ассоциации ЕС придерживался в отношениях со странами ВП риторики и требований расширения, однако не предлагая в то же самое время перспектив членства. Так, некоторые исследователи характеризуют политику Европейского Союза по отношению к данным странам как попытку удержать их ‘на расстоянии вытянутой руки’, чтобы не дать отвернуться им от европейского направления. Более того, Мирзаян (2015) характеризует создание ВП как “суррогат членства в ЕС” для шести стран.

Более того, если взглянуть глубже в концепцию самого ЕС, то отмечено, что образование еще само не определилось чем оно является. От этого и возникает проблема, что ЕПС не смогла помочь Евросоюзу создать те политические рамки, при которых бы происходило эффективное взаимодействие и коммуникация с восточными партнерами. Вдобавок, после расширения границ ЕС на восток, прослеживаются черты империализации образования, что влечет за собой нестыковку конкретных интересов ЕПС и глобальных задач т.н. “современной империи”. Поэтому возникает вопрос:

понятны ли на данный момент предлагаемые рамки взаимодействия с ЕС для ассоциированных членов?

Автор данного исследования выдвигает гипотезу: ассоциированные страны-партнеры возлагают большую надежду на соглашения об ассоциации (СА) и на соглашение об углубленных и всеобъемлющих зонах торговли (The Deep and Comprehensive Free Trade Area – DCFTA) с ЕС, но и в ближайшем будущем от Евросоюза не стоит ожидать, что он будет, в первую очередь, фокусироваться на дальнейшей работе с ассоциированными партнерами и глубже взаимодействовать с тремя странами, которые подписали СА и DCFTA.

Настоящим исследованием будет сделана попытка проследить варианты современной интерпретации развития партнерства с тремя ассоциированными членами Восточного Партнерства: Грузией, Молдовой и Украиной.

Задачей данного исследования будет:

1. рассмотреть эволюцию ЕПС, ее задачи и цели, и определить, почему она оказалась неэффективной;
2. исследовать возникновение ВП, обозначит его цели и направление, а также выяснить инструменты воздействия ВП на страны участников программы;
3. исследовать теоретические подходы по отношению развития отношений между ЕС и странами-партнерами ВП.

Для достижения цели работы, исследуются следующие интерпретации развития партнерства с ассоциированными членами: первая школа описывает ЕС как современную империю с наличием огромных территорий, в которую входят различные народы и национальности, находящиеся под властью единого центра. Современная империя основана на идеях и ценностях и существует благодаря договору и особому предложению от которого периферии трудно отказаться – от доступа к региональным фондам поддержки. Страны ВП без сомнения можно считать внешней периферией ЕС развитие которой определяется объединением путем диктата стандартов и норм в политической, социальной и экономической сфере в рамках программы.

Школа же неофункционализма рассматривает европейский эксперимент по практике расширения и углубления интеграционных процессов, в том числе и программу ВП как уникальное явление в истории. Касаясь ВП, программа представляет собой круг дружественных стран, которые делегируют политическую

активность и ожидания новому центру – ЕС. Образование в свою очередь завладевает национальными юрисдикциями с помощью эффекта перетекания, который способствует постепенной политической интеграции.

Теоритические рамки политического конструктивизма позволяют нам сделать акцент на то, что международная система может создаваться, трансформироваться и воспроизводится только с помощью взаимодействия агентов/акторов. Так, конструктивисты считают, что значимыми акторами либо агентами могут выступать не только государства, но также и политические образования, неправительственные организации, социальные движения и т.п. По мнению Поздняк (2005, 10), – ЕС обладает пятью важнейшим критериям, которые позволяют считать союз международным актором/агентом. Опираясь на положения конструктивизма, согласно которому внешняя политика ЕС представляет собой процесс утверждения собственной политической идентичности, Евросоюз используя механизм ВП пытается утвердить в сознании других акторов, то есть в сознании стран-партнеров, собственные интересы и идентичность, и закрепить их принятие в формальных документах и ассоциировать их с определёнными регулярными действиями.

Для достижения поставленных задач автором работы была использована методика дискурсивного анализа на основании которой будет сделан вывод какая школа превалирует в интерпретации развития партнерства с Грузией, Украиной и Молдовой.

1. ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ СОСЕДСТВА К ВОСТОЧНОМУ ПАРТНЕРСТВУ

1.1. “Европейская Политика Соседства” и ее характерные черты

Появление и разработка такой политики как ЕПС в начале 2000-х годов, а затем и проекта ВП является закономерно неизбежным, ибо деятельность Европейского Союза основывается на принципах ООН, один из которых гласит, что “народы Объединенных Наций преисполнены решимости проявлять терпимость и жить вместе в мире друг с другом, как добрые соседи” (Декларация о принципах международного права 1970, преамбула). В силу того, что в современном мире и обществе необходимо выстраивать с соседними странами дружественные и доверительные отношения, поддерживать политическое и экономическое развитие регионов, обеспечивать мир и гарантировать безопасность, стараться избегать появления нового раскола между ЕС и новыми соседними государствами, в 2003-2004 гг Евросоюзом была разработана Европейская Политика Соседства. Однако, во многих публикациях “European Neighbourhood Policy” переводится как “Европейская Политика Добрососедства”, поэтому на практике по отношению к ЕПС следует различать такие термины как “соседство” и “добрососедство”.

По мнению Кузнецова (2009, 4), существует три важнейших отличия ЕПС от стандартной политики добрососедства: первое – кроме учета интересов внедряются в одностороннем порядке европейские ценности в страны-партнеры программы; второе – помимо партнерского сотрудничества которое характерно добрососедству, ЕС предлагает заключать соглашения об ассоциативных отношениях; третье – в отличие от политики добрососедства, в ЕПС существуют финансовые инструменты для реализации различных проектов, которые в том числе формируются за счет бюджета ЕС. В следствии этого, Евросоюз выстраивает свою внешнюю политику таким образом,

что она является не только добрососедской (направленная на подддержанные доверительных отношений), но и направлена на европеизацию соседей.

Более того, данная политика была разработана во избежание появления новых границ в Европе в связи с расширением ЕС в 2004 году, когда в состав вошли новые 10 государств бывшего Восточного блока. В том числе, ЕПС применяется по отношению к соседям ЕС, которые имеют с союзом сухопутную или морскую границу и ставшие ближе к образованию по причине расширения в 2004 году, а именно к Восточной Европе (Украине, Беларуси и Молдове), к Средиземноморскому региону (Алжиру, Израилю, Иордании, Ливану, Ливии, Марокко, Сирии, Тунису, Палестинской автономии) и к Южному Кавказу (Армении, Азербайджану и Грузии).

1.2. Цели и принципы “Европейской политики соседства”

Впервые ЕПС была упомянута в коммюнике “Расширение Европы”, которая была разработана Европейской Комиссией в 2003 году. В стратегическом документе “Европейская политика соседства”, который был опубликован в 2004 году были описаны условия сотрудничества ЕС с соседними странами. Как заявлено в документе главной целью ЕПС является привилегированное партнерство, которое строится на совместной приверженности таких общих принципов, как демократия и права человека, права национальных меньшинств, качественное административное регулирование, верховенство закона, принципы рыночной экономики и устойчивое развитие. Более того, предполагается, что страны-партнеры берут на себя ответственность за борьбу с терроризмом и прекращение распространения оружия массового уничтожения, а также соблюдение норм международного права и разрешение конфликтов (European Neighbourhood Policy 2004, 3).

Как упоминалось выше, сама ЕПС вышла за рамки обычного добрососедства и тогда ЕС предложил развивать более тесные партнерские (ассоциативные) отношения в политической и экономической сферах. Предложенная политика соседства стала рассматриваться инструментом установления стабильности и безопасности в странах-партнерах путем содействия внутренним реформам в странах. Содействие выразилось

в предоставлении финансовой и технической помощи, а также в способствовании урегулированию конфликтов и укреплению контактов между странами.

Направления ЕПС были закреплены в стратегическом документе и сформулированы следующим образом (European Neighbourhood Policy Strategy Paper 2004, 3): “Создание общего экономического пространства, которое подразумевает расширение внутреннего рынка ЕС и включение в него стран-партнеров за счет гармонизации и переноса норм и правил ЕС; распространение “мягкой безопасности”, которая включает в себя борьбу с преступностью, торговлей наркотиками, нелегальной миграцией; урегулирование и предупреждение конфликтов; политическая стабилизация стран-партнеров путем содействия трансформации внутри страны и помощь в соблюдении правам человека”.

Более того, был принят во внимание энергетический вопрос, а точнее проблема энергетической безопасности. Энергетическое партнерство было признано важнейшим элементом политического соседства и вовлекало в большей степени страны Закавказья. Что же касается переноса правил и норм ЕС, то в 2010 году комиссар по расширению и политике соседства Европейского Союза Ш. Фюле обозначил фундаментальные различия к подходу принятия Европейских норм и стандартов южными и восточными странами-партнерами. Так, Средиземноморский Союз был ориентирован на законодательное сближение и нормативную конвергенцию, а постсоветские страны на были нацелены на экономическую интеграцию, принимая внутренние нормы ЕС, что выходило за рамки зоны свободной торговли (Pop 2010).

В ЕПС был перенесен принцип политической кондициональности, который был задействован во время расширения ЕС в 2004 году. Еврокомиссия охарактеризовала данный инструмент как “самым эффективным внешнеполитическим инструментом ЕС”. Как пишет Федорцев (2012, 32): “Суть этого принципа заключается в том, что для конкретной страны устанавливаются определённые стандарты и регулирующие рамки развития реформ, а также создаётся система стимулов и поощрений (для политики расширения, например, главным стимулом было вступление в ЕС)”.

Другими словами, данный принцип создает жесткие вертикальные иерархические отношения между ЕС и страной-партнером при которых нормы и стандарты Евросоюза устанавливаются в стране-партнере и жестко контролируются. В качестве оценки выполнения стандартов и норм применяются поощрения либо санкции

в зависимости от успеха их выполнения либо провала. Основным стимулом дальнейшей интеграции являются дополнительные соглашения, которые дают доступ на внутренний рынок ЕС. Однако, это не является основным и самым мощным стимулом для стран-партнеров, ибо отсутствуют перспективы вступления в ЕС, что стало одной из причин слабости и недостатка ЕПС.

1.3. Недостатки ЕПС

ЕПС по своей результативности оказалась довольно слабой спустя несколько лет после ее анонсирования. Одной из главных причин можно выделить то, что очень слабо учтена специфика стран-участниц. Применялся общий подход ко всем странам-партнерам оставляя без внимания их внутривнутриполитическую ситуацию, географическое положение и экономическое развитие. Забелин (2014, 37) выразился касательно провала программы следующим образом: “можно сказать, что полномасштабному осуществлению Европейской Политики Соседства помешала её общая, размытая и недифференцированная ориентированность”.

ЕПС, обращая внимание на различные аспекты безопасности такие как иммиграция, преступность, терроризм, контроль над границами и т.д. была подвергнута критике за то, что рассматривала соседей как ‘буферную зону’ и ‘потенциальными источниками угроз’. Такое отношение противоречило принципу предотвращения создания новых разделительных линий, который был описан в стратегическом документе. Более того, страны, которые были участниками программы имели разное представление о целях ЕПС и ожидали от нее различных результатов, но их объединяло общее видение того, что ЕПС – это гарантия на будущее членство в ЕС. Однако, господствующая позиция внутри союза была ясна: Европейский Союз не был заинтересован в дальнейших раундов расширения союза (даже где-то в далеком будущем). Это было являлось самым большое разочарованием для восточноевропейских партнеров, которые надеялись, что однажды они станут членом Евросоюза.

Как было упомянуто ранее, южные и восточные страны по-разному подошли к принятию норм и стандартов ЕС. Однако, в силу того, что в рамках ЕПС они были

объединены, это послужило тому, что между ними образовалась конкуренция в условиях развития политики в едином направлении. Установленные географические рамки политики соседства требовали совершенно разного подхода к тем странам, которые были охвачены. Более того, существовали и различные перспективы интеграции.

В целом, в 2011 году Jarábik, и Kobzová (2011, 1) охарактеризовали объединение южного и восточного направления в рамках ЕПС причиной “шизофриничности” данной программы. Страны-члены ЕС и страны-партнеры выражали свое недовольство ЕПС указывая на недостатки программы. В результате, ЕПС с самого начала распалось на два направления: на южное и на восточное, где была предложена более глубокая экономическая интеграция и политическое взаимодействие с отдельно взятыми странами. Так, южное направление дало начало союзу со Средиземноморьем, восточное направление положило начало созданию ВП, и также была выдвинута инициатива ЕС по укреплению сотрудничества между странами, расположенных в бассейне Черного моря, что получило название Черноморская Синергия.

2. ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО

2.1. Инициаторы и причины возникновения “Восточного партнерства”

Впервые проект ВП был представлен в 2008 году на Совете ЕС. В сообщении Европейской Комиссии для Европейского Парламента и Европейского Совета (2008, 2) сказано, что: “Политика Европейского Союза по отношению к странам Восточной Европы и Южного Кавказа должна быть активной и недвусмысленной: ЕС окажет весомую поддержку партнерам в их стремлении приблизиться к ЕС, а также всю необходимую помощь в проведении реформ, для приближения с ЕС. Это может быть достигнуто путем реализации Восточного измерения – отдельной составляющей Европейской политики соседства”.

Первый саммит “Восточное партнерство” был проведен в Праге 7 мая 2009 г., на котором была учреждена программа ВП. Принятая на данном саммите совместная декларация утвердила официальное начало реализации процесса ВП. Более того, были определены основные направления, которые касались географии партнерства, а точнее была определена основополагающая связь между постсоветскими странам и ЕС – Украиной, Молдовой, Беларусью, Азербайджаном, Арменией и Грузией.

Главным локомотивом сближения постсоветских стран с ЕС стали те члены-государства союза, которые напрямую имели границу с данными государствами, и прежде всего можно выделить Польшу. Уже с середины 2000-х годов польская дипломатия позиционировала себя в качестве основного эксперта по постсоветскому пространству. Например, “Оранжевую революцию” в Украине в 2004 году в Варшаве считали (в определенной мере) успехом миссии президента Польши Квасневского. Таким образом, именно Польша попыталась взять на себя миссию проводника интересов Западной Европы на востоке европейского континента. Что же касается проекта ВП, то он был представлен министром иностранных дел Польши Сикорским,

однако, стоит отметить, что Швеция также имела отношение к иницированию проекта ВП, так как к тому моменту времени она имела опыт с проектом “Северное измерение”. Более того, Швеция своим участием в программе создала основу для более глубокой интеграции и усиления своей внешней политики, которая прежде была ограничена Балтийским регионом. США, по мнению Мендковича (2014), увидели в ВП дополнительный ресурс для ослабления связей постсоветских государств с Россией и решили поддержать программу.

2.2. Цели и направление Восточного Партнерства

Более специализированный подход по отношению к восточным соседям должен был способствовать улучшению ЕПС благодаря особому ответвлению данной политики. Данная дифференциация стала ответом на критику того, что ЕПС не брала в расчет культурные, экономические и политические различия между странами-партнерами. Создание необходимых условий для ускорения политической и экономической интеграции между ЕС и странами-участницами стало главной целью ВП (Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit 2009, 6). Главным отличием инициативы от ЕПС стало введение новых элементов, таких как тематические платформы, которые конкретизировали бы усилия стран участниц в многостороннем взаимодействии в рамках инициативы. Содействие многоплановым изменениям для приближения стран-партнеров к стандартам ЕС планировалось осуществлять, по мнению Новоселова (2013, 88) – по четырем основным направлениям:

1. демократия, стабильность и совершенная система управления (административные реформы, антикоррупционные меры, обучение управленческого аппарата, развитие институтов гражданского общества, свободных СМИ и пр.);
2. экономическая интеграция и конвергенция с отраслевой экономической политикой ЕС, включая создание зон свободной торговли;
3. энергетическая безопасность (надежное энергоснабжение как стран-партнеров, так и ЕС; развитие источников возобновляемой энергии);
4. развитие контактов между людьми (либерализация визового режима и одновременно усиление борьбы с незаконной миграцией).

Импульс, который послужил созданию инициативы ВП, исходил в основном от новых стран-членов ЕС, которые были ярыми сторонниками интеграции между Евросоюзом и восточными соседями. Более того, продвижению ВП способствовали отношения с Россией. Так, усиливались противоречия между Россией и странами-членами СНГ, августовский кризис же в 2008 году и вовсе дал программе приобрести реальные формы. Так, по словам тогдашнего комиссара по внешним связям и Европейской Политики Соседства Бенита Ферреро-Валднера, Россия вынудила ЕС реагировать на действия России по отношению к Украине ('газовая война') и Грузии (Грузино-Осетинский конфликт 2008 года). Перебои с поставками газа через Украину принесли урон ЕС из-за политической ситуации и бизнес-среды. (Ferrero-Waldner 2009)

Стоит отметить, что ЕС выступил посредником между Украиной и Россией и в период 'газовой войны' 2008 года. Именно 'газовые войны' послужили тому, что в документе Еврокомиссии появился пункт о повышении уровня энергетической безопасности ЕС, которая бы гарантировала поставку и транзит энергетических ресурсов в отдаленной перспективе. Для решения данного пункта предлагался ряд мер, который включал бы страны в Европейское энергетическое сообщество в качестве полноценных участников или наблюдателей. Также предполагалась внедрение механизмов взаимной энергетической поддержки и безопасности, диверсификация транзита и доставки энергоресурсов, а также гармонизация энергетической политики и законодательства партнёров с практикой и актами Европейского Союза.

2.3. Действие Восточного Партнерства на практике

Действие Восточного Партнерства работает на двух параллельных уровнях – на двухстороннем и многостороннем.

Укрепление отношений Европейского Союза и каждой из стран Восточного партнерства обеспечивает **двусторонний уровень** по средствам: поддержки реформ в основных отраслях правления, устойчивого социального и экономического развития и верховенство закона и соблюдения основных прав человека и свобод; предложения партнерам перспективных договорных соглашений в ЕС в рамках СА и DCFTA.

Согласно сообщению Европейской Комиссии по ВП, соглашения об ассоциации – это ответ на стремление стран-партнеров установить более тесные отношения с ЕС. Данная договорная система расширяет взаимодействие между сторонами, которые желают и способны взять на себя далеко идущие обязательства перед ЕС, и будут являться результатом такого взаимодействия. Благодаря новым соглашениям должны быть установлены прочные политические связи, а также оказано содействие дальнейшему сближению стран-партнеров с ЕС путем приведения их законодательства и стандартов в соответствие с законодательством и стандартами ЕС.

СА также должны способствовать сотрудничеству по вопросам общей внешней политики и политики безопасности. Содержание соглашений может быть изменено и дифференцировано в соответствии с задачами и возможностями стран-партнеров. Предпосылкой для начала переговоров и, как следствие, углубления отношений, является наличие достаточного прогресса в сфере демократии, верховенства права и соблюдения прав человека, в частности, свидетельство того, что избирательная законодательная база и ее практическое применение отвечают международным стандартам, а также тесное сотрудничество с Советом Европы, ОБСЕ/БДИПЧ и правозащитными организациями ООН (Сообщение Европейской Комиссии для Европейского Парламента и Европейского Совета 2008, 5).

Структуру, в рамках которой происходит решение общих проблем как для ЕС, так и для восточных партнеров, обеспечивает **многосторонний уровень**. Как было упомянуто ранее, тематические платформы, обеспечивающие обмен опытом по вопросам эффективного управления, экономической интеграции, энергетической безопасности и контактами между людьми, входят в структуру многостороннего уровня. В пример многостороннего уровня могут быть приведены инициативы, которые являются региональными проектами в различных сферах, в пример можно отнести транспорт, вопросы молодежи, культура, образование, поддержка гражданского общества (Сообщение Европейской Комиссии для Европейского Парламента и Европейского Совета 2008, 6).

В конечном счете, политика ЕС в отношении восточных соседей строится на убежденности в том, что все эти страны стремятся к как можно скорейшему вступлению в Евросоюз, а потому готовы выполнить буквально любые условия. Однако, европейская организация не видит ни под каким-нибудь ракурсом будущее

членство шести стран-участников ВП. Организация стремится иметь сильное и взаимовыгодное сотрудничество со всеми шестью партнерами, независимо от индивидуального уровня амбиций в отношениях с ЕС.

Так, СА и DCFTA, заключенные в 2014 году вывели отношения между ЕС и Грузией, Молдовой и Украиной на новый уровень. Целью данных соглашений является укрепление политической ассоциации и экономической интеграции. Они представляют из себя план реформ, которые способствуют сближению с ЕС и стран-партнеров путем согласования законодательства и стандартов данных стран с тем, что имеет Европейский Союз. В целом это все направлено на ощутимое улучшение уровня жизни стран и людей в том числе.

Что касается Армении, Азербайджана и Беларуси, то по отношению к данным странам будет осуществляться дифференцированный и индивидуальный подход, который будет способствовать обеспечению инклюзивного характера ВП. По отношению к Армении, ЕС для более тесной политической ассоциации и экономического сотрудничества учитывать иные приверженности Армении к международным организациям. ЕС также тщательно углубляет критически сложившееся взаимодействие с Беларусью.

2.4. Финансирование “Восточного партнерства”

Финансирование Евросоюзом проектов в странах ВП с 2011 года по 2013 год происходило по статье “Европейский инструмент соседства и партнерства” (European Neighbourhood Policy Instruments - ENPI). Всего было профинансировано 2,5 миллиарда евро на двусторонние и региональные программы в рамках партнерства. В промежутке 2011 и 2013 годов было выделено: Армении – 182 миллионов евро; Азербайджану – 75,5 миллионов евро; Беларуси – 41,5 миллиона евро; Грузии – 208 миллионов евро; Молдове – 308 миллионов; Украине – 389 миллионов евро (The Eastern Partnership – FAQ).

В период 2014-2020 годов основным источником финансирования Европейской Политики Соседства и "Восточного партнерства" является “Инструмент Европейского Соседства” (European Neighbourhood Instrument – ENI). Он заменяет Европейский

инструмент соседства и партнерства (ENPI), который являлся главным инструментом финансирования на протяжении 2007-2013 годов. В целом, было предоставлено 3,2 млрд евро странам ВП с момента начала сотрудничества до текущего момента: почти 2,5 млрд евро путем ENPI в 2010-2013 гг. и 730 млн евро путем ENI в 2014 году (The Eastern Partnership – FAQ).

В 2014 году основная бюджетная поддержка была мобилизована для того, чтобы помочь стабилизировать экономику Украины. ЕС был также в готовности планировать новые инвестиционные потоки в Грузию и в Республику Молдова для того, чтобы помочь малому бизнесу в развитии и росте, а также для подготовки к рыночным условиям Углубленной и Всеобъемлющей зоны свободной торговли (DCFTA) с ЕС. Европейский Союз работал совместно с европейскими банками и местными финансовыми учреждениями, чтобы сделать кредитное финансирование более доступным для частных инвесторов, в том числе и для малого бизнеса и семей. Многие новые программы уже начаты; другие стартуют в течение 2015 года.

Параллельно, продолжается реализация программ, начатых в предыдущие годы. Технические эксперты и советники/консультанты работают вместе со своими восточноевропейскими коллегами для того, чтобы спроектировать новые политические рамки, подготовить новое законодательство, и ввести новые практики. Организации гражданского общества получили гранты для мониторинга национальных реформ и для работы с уязвимыми группами. Частному сектору стали доступны бизнес-инкубаторы и новые возможности кредитования; небольшие фермы, создали новые бизнес-ориентированные объединения; студенты получили новые навыки, с тем чтобы лучше подготовиться к требованиям современного рынка труда. (The Eastern Partnership – FAQ).

3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА К ВОСТОЧНОМУ ПАРТНЕРСТВУ

3.1. Первая школа – ЕС как современная империя

Расширение ЕС на восток в 2004 году и последовавшие за этим усилия направленные на политическую консолидацию объединения породили за собой в конце прошлого десятилетия волну дебатов о самой природе развития объединенной Европы и также и том, в каком векторе будет происходить становление ЕС. Естественным образом напросилась аналогия с империей, как форма политической организации, включающая в себя наличие огромных территорий, и в которую входят различные народы и национальности, находящиеся под властью единого центра. Так, Зеленка делает акцент на то, что в последние годы в несколько значимых книгах было сделано утверждение, что Соединенные Штаты Америки, Китай, Россия и даже Евросоюз “смотрят, говорят и ходят” как империи (Zielonka 2012, 502). Несмотря на то, что использование имперской парадигмы в академическом анализе международных отношений тогда не вполне произвели впечатление на многих экспертов, на сходство объединенной Европы с империей указывали даже действующие европейские политики. Например, Жозе Мануэль Барозу, который в 2007 году занимал пост председателя Европейской Комиссии (Waterfield 2007): “Мы являемся уникальной конструкцией в истории человечества. Иногда мне нравится сравнивать создание ЕС как создание имперской организации. У нас есть соразмерность империи”.

Другими словами, Барозу сравнивает создание ЕС как возникновение нового типа неимпериалистической империи (non-imperial empire) с которой сталкиваемся впервые и делает акцент на то, что граждане ЕС должны быть горды этим. В частности, политик добавил, что существует большая разница между Евросоюзом и империей. Империи были, как правило, созданы насильственным путем и имели центр,

который диктовал свою волю другим, но теперь у нас есть 27 стран, которые решили работать вместе (Waterfield 2007).

Однако, нужно посмотреть на то, каким образом 28 стран ЕС пришли к общему политическому и экономическому объединению: если раньше империя поддерживала свое существование на основе завоеваний и присоединений, то теперь “неимпериалистическая империя” основана на идеях и ценностях. Она существует на основе договора и особого предложения, от которого невозможно отказаться новым государствам – доступ к региональным фондам поддержки. (Уайт 2014, 121) В случае стран-партнеров ВП можно провести параллель в получении 2,5 миллиарда евро на двусторонние и региональные программы в рамках партнерства, которые были выделены в промежутке 2011-2013 гг для шести стран. Не удивительно, что все шесть стран были готовы принять обязательства относительно приближения стран к стандартам ЕС по основным четырем направлениям (демократия, административные реформы, экономическая интеграция, энергетическая безопасность) в качестве цены, которую они должны уплатить взамен.

3.1.1. Дефиниция понятия “империя”

Стоит отметить, что понятие империи до сих недостаточно разработана на теоретическом плане и является одним из наиболее спорным в современных общественных науках. (Феоктистов 2000, 103)

При попытке обозначит что же такое «империя» можно выявить многочисленные подходы к обозначению данного термина, которые были предложены различными теоретиками.

Например, Howe (2002, 30) в определений “империя” тесно связывал его с понятием “империализм”: первый термин он обозначил как форму политического блока: “большую, комбинированную, мультиэтническую и многонациональную политическую единицу, как правило, создаваемую путем завоевания, и которая делится на доминирующий центр и подчиненных, иногда, на периферии”; второй же термин обозначается как действие “действия и отношения, которые создают или поддерживают большие политические единицы – но контроль или господство народа над другим проявляется менее очевидно и уклончиво”.

По мнению Zielonka (2012, 509), термин “империя” представляет собой широкую территориальную единицу с глобальным военным, экономическим и дипломатическим влиянием. Более того, империя должна накладывать значительные внутренние ограничения на разнообразные формы суверенных или автономных субъектов. Данные субъекты рассматриваются как некая периферия, регулируемая имперским центром. Верховенство над периферией оправдывается цивилизаторской ролью империи и ее призванием. Другими словами, империя должна иметь имперское видение себя либо же миссии *civilisatrice* по отношению ко внешней среде.

Однако, Gravier (2009, 629) утверждает, что в большинстве дефиниций понятия империя превалируют семь характеристик: империи это государственные устройства, они являются составными, состоят из доминирующего центра и подвластных периферий, являются физически нестабильными, они следуют рациональному территориальному расширению, являются авторитарными, и не в последнюю очередь, они распространяют имперскую идентичность и культуру (некоторые говорят в данном случае о миссии империи).

Отсюда возникает ряд различных подходов, связанных, в первую очередь, с определением различных исторических типов имперских систем. Однако, Европейскому Союзу в сегодняшнем его виде, присущи некоторые характеристики империи, описанные выше, которые признаются большинством исследователей. Именно эти характеристики и дают основание для рассмотрения программы Восточного партнерства и конечных ее целей через призму представлений как об имперских поведенческих чертах.

3.1.2. Имперские черты ЕС и ее периферия

Первое, что характеризует ЕС на сегодняшний момент это, конечно же, многонациональное население и наличие обширной территории. Более того, в организации действуют наднациональные органы власти, однако, они обладают достаточно ограниченным спектром полномочий. Наконец, ЕС находится в постоянном процессе расширения, которое то наращивает, то замедляет свой темп, но не теряет своей актуальности. Münkler (2010), отмечает, что непостоянство границ и стремление

к экспансии порождает теорию об имперском характере Евросоюза и ставит это в ряду основных признаков империи.

Zielonka (2006, 1), например, определяет ЕС как неосредневековую империю в период поствестфальской эры. Главная идея состоит в том, что организация напоминает империю, которая существовала несколько столетий назад. Сила в средневековье проецировалась на многих уровнях и напоминает сегодняшнюю систему, в которой существуют национальные государства, демократия и капитализм.

Другой автор, который характеризует ЕС в качестве империи является Ханна (2010, 32) утверждает следующее: “ЕС смело можно считать самой популярной и успешной империей в истории человечества, ибо она создает не доминирование, а дисциплину. Доводы в пользу европеизации – а это и субсидии общеевропейского бюджета, и свободное пересечение границ, и использование единой европейской валюты – слишком весомы, чтобы от них отмахиваться”.

Но для того, чтобы находящиеся в плохом состоянии экономики Украины, Молдовы и Грузии могли претендовать на вступление в ЕС, они должны сделать нечто большее, чем просто наведение внешнего лоска. От них требуют конкретные шаги в направлении принятия законов и норм Евросоюза, как это предложено в Европейской политике соседства, связывающей воедино экономические, военные и административные вопросы. По логике парадигмы, приучая маленькими шагами своих будущих подчиненных к языку и нормам поведения ЕС, новые страны будут приносить пользу и служить верой и правдой новому центру.

Касаемо доминирующего центра и подчиненной периферии, то многие современные исследователи, такие как Zielonka, Gravier, утверждают, что наличие центра/ядра и периферии является одной из наиболее важных отличительных черт современной империи. Zielonka (2012, 512) приводит в пример США и ЕС подтверждая наличие “централистическо-периферийных отношений” в современном мире: “Фактически, США склонны считать весь мир своей периферией и не воздерживаются от введения жестких внутренних ограничений на своих врагов и даже на своих союзников. ЕС постепенно расширила контроль на больших пространствах Восточной Европы и Балкан с помощью умелого использования преимуществ членства в ЕС”.

Действительно, в сегодняшнем Евросоюзе можно выделить ядро, которое образуется, в первую очередь, странами Западной Европы в лице Германии, Франции и

Великобритании (стоит отметить, что все эти страны имеют имперский опыт бытия). Бусыгина и Филиппов (2010) отмечают, что данные страны государства обладают наиболее развитой экономикой, военной силой, передовыми технологиями, политические элиты данных стран стояли у истоков основания организации. Именно данные государства определяют политику ЕС, и от их согласованной позиции, в том числе, зависит политика Евросоюза. Более того, после принятия Лиссабонского договора было замечено усиление контроля над принятием политических решений Великобританией, Францией и Германией в силу введения новой процедуры, результатом которой стало избрание двух новых формальных руководителей ЕС (председателя Европейского Совета и Верховного Представителя Союза по Иностранному Делам и Политике Безопасности). Таким образом, наличие ядра Евросоюза позволяет говорить и о периферии, которая существует как в рамках этой организации, так и вдоль его границ.

Без сомнения можно констатировать, что страны-партнеры ВП воспринимаются как периферией ЕС. В то время, когда было возрождено Восточное Измерение в виде ВП в 2008 году, отношения между Россией и ЕС уже были испорчены. Евросоюз хотел подорвать геополитическое влияние России в странах ВП и тем самым укрепить свои позиции в Восточной Европе. По сути, регион стал двойной периферией, так как со стороны России он воспринимался как ближнее зарубежье, а со стороны ЕС он определялся как добрососедским регионом, – (neighbourhood). (Bosse 2014, 4) Следует подчеркнуть, что ВП для Союза стало во многом наилучшим вариантом политики по отношению к государствам прилегающим к границам ЕС после расширения в 2004 году. С одной стороны, политика партнерства не гарантировала будущего членства для государств в объединении, а с другой стороны, сложившиеся ядро ЕС определяло и определяет развитие периферии, путем диктата стандартов в политической, социальной и экономической сферах в рамках программы ВП. Зависимость периферии от центра также определена расходами ЕС на структурную и региональную, которые превратились в одну из самых крупнейших статей бюджета программы ЕПС. (Бусыгина, Филиппов 2010)

Стоит отметить, что Москва решительно выступала против более тесного сотрудничества и интеграции Грузии, Украины и Молдовы с ЕС. Может показаться, что на протяжении долгого времени российская политическая элита воспринимала ВП

как пустой проект, однако, как только подписание Соглашение об Ассоциации стало реалистичным сценарием, и Россия начала действовать. Доказательством этому может послужить присоединение Крыма в 2014 году и военная интервенция на Донбассе. Более того, Москва запустила собственный интеграционный проект Евразийского Экономического Союза (ЕАС) в 2014 году, в который вошли две страны ВП – Армения и Беларусь. Власти Грузии, Молдовы и Украины неоднократно заявляли, что они не заинтересованы в присоединении к ЕАС и считали, что единственный возможный вариант для них является проект ВП. В итоге, российские власти, несмотря на огромные усилия, не смогли изменить стратегический выбор Украины, Молдовы и Грузии. (Gromadzki, Sendhardt 2014, 15)

Возвращаясь обратно к существованию политического центра ЕС, по мнению Федорцева, в настоящее время в ЕС отсутствует единый политический центр и само объединение, по сути, еще не является полноценным политическим образованием. Ядро существует в виде трех государств, но оно раздроблено, и интересы трех стран не совпадают друг с другом и при все прочем конкурируют между собой. Брюссель в свою очередь, с его европейскими институтами, представляет собой технический центр управления и форум для обсуждения общеевропейских вопросов, но не властный центр (Федорцев 2012).

Вступление же в ЕС новых членов, а также политика добрососедства по отношению к соседним государствам можно определить экспансией Евросоюза. Здесь можно выделить два направления: первое – это включение в состав Единой Европы государств, которые являются носителями общей европейской культурной идентичности в силу исторического и культурного развития либо географических условий. Шишков (2014, 99), однако, отмечает, что в этом направлении Евросоюз дошел до своего предела. Так, вступление Украины, Грузии, Молдовы и даже Турции не получили положительного решения и, по мнению ученого, вряд ли получат его в ближайшем будущем.

Второе направление экспансии Евросоюза направлено на распространение влияния на остальные регионы мира, где присутствуют интересы государств-членов, являющимся бывшими колониальными империями. Более того, неоимперский характер ЕС можно подчеркнуть его экспансионизмом, который основан на привлекательности политической, экономической и социальной модели Европы. ЕПС как раз представляет

собой один из инструментов расширения влияния Союза. (Dimitrova 2012, 249) Что же касается ВП, то по мнению Сергунина (2010) программа связана, в первую очередь, с необходимостью обеспечения энергобезопасности ЕС путем сотрудничества в вопросах стабильного, долгосрочного и безопасного энергоснабжения, а также его транзита. Сотрудничество должно было основываться с помощью усовершенствования системы управления ресурсами, системы энергосбережения, и должно также модернизировано использование возобновляемых источников энергии.

Однако, Евросоюз столкнулся с рядом внутренних проблем, которые могут быть препятствием для дальнейшей экспансии, в том числе на новых ассоциированных членов. Так, например, кризис Еврозоны и неконтролируемые потоки беженцев со стран Ближнего Востока и африканских стран вышли на сегодняшний день на первый план и ЕС больше фокусируется на разрешении кризиса, чем на дальнейшую работу с Грузией, Украиной и Молдовой. Даже российская агрессия в Украине отошла на второй план, когда Евросоюз столкнулся с вышеперечисленными проблемами. ЕС в целом не готов к восприятию новых ассоциированных стран из Восточной Европы по сравнению с интегрированием стран Центральной Европы (Чехии, Венгрии, Польши, Словакии) и Балтийских государств в 1990-е годы.

3.2. Вторая школа – неофункционалистский подход ЕС к ВП

Европейский эксперимент по практике расширения и углубления региональных интеграционных процессов рассматривается теоретиками неофункционализма как уникальное явление в истории человечества (Scrinic 2014, 220). Неофункционализм появился в период так называемого (евроэнтузиазма) в конце 60-х и начале 70-х гг прошлого столетия, когда интеграция государств-членов европейских сообществ уже представлялась все более очевидной. В становление и развитие данной теории наибольший вклад внесли такие исследователи как Хаас, Этциони и Линдеберг. Неофункционалисты создавали свои разработки, опираясь на опыт Европейских сообществ. Подход Хааса основывался во многом на концепции Митрани, который пытался применить функциональный подход к анализу международных событий в период между Первой и Второй мировыми войнами.

3.2.1. Постулаты неофункционализма

Теория неофункционализма ставит во главу угла интеграцию, и конечной целью для неофункционалистов является уяснение причин процесса интеграции и характера ее последствий. Более того, отличительной чертой неофункционализма от других теорий политической интеграции является то, что интеграция рассматривается как **процесс**. Он не стремится выявить результат, либо же предсказать его. Все внимание уделено именно механизму интеграции (Буторина 2011, 35).

Неофункционалистская концепция основывается вокруг двух взаимосвязанных процессов. Первый – вокруг центрального стержня, который определен как функциональное перетекание (spill-over) (Яровой 2006, 20). Перетекание подразумевает под собой, что интеграция, начатая из одной сфер экономики постепенно распространяется в другие сектора. Так, любое действие, связанное с достижением определенной задачи порождает ситуацию, при которой исходная цель может быть достигнута только при последующей цепи действий. Другими словами, польза от экономической интеграции в определенном секторе не будет достигнута, пока смежные сектора экономики не будут вовлечены в интеграционный процесс.

Второй процесс именуется политическим перетеканием и оно является, в целом, продолжением первого (функционального). Таким образом, экономическая интеграция вызывает политическую. (Яровой 2006, 20) Например, для того, чтобы экономическая цель была достигнута более эффективно, два либо более государств договариваются об основании наднационального высшего органа власти с целью наблюдения за происходящим. Другими словами, с точки зрения международной политической иерархии новое политическое сообщество находится над национальными государствами.

Вдобавок, Буторина (2011, 91) делает акцент на то, что в процессе интеграции политическая активность и ожидания акторов делегируется новому центру. Органы нового центра, в свою очередь, претендуют обладать, либо же обладают юрисдикцией в отношении стран, которые он представляет. Данный новый интеграционный политический центр по сути своей должен заниматься проблемами функционирования сотрудничества. Конечная цель политической интеграции – это создание нового политического сообщества, находящиеся над теми институтами, которые существуют

сегодня. (Haas 2003, 145) Однако, Lindberg полагает, что определение Хааса является больно идеальным и дает свое определение политической интеграции: “Процесс принятия коллективных решений представляет собой значительную часть политической интеграции, и может быть вполне достигнут без создания политического сообщества” (Lindberg 2003, 151). Более того, для неофункционализма очень важно понятие лояльности. По мнению Haas (2003, 146): “Проявление лояльности либо доверия может происходить к нескольким центрам влияния одновременно. Поскольку лояльность к некоему центру усиливается в результате выполнения им полезных функций, множественность лояльностей может порождаться разнообразием функций, которые выполняют разные центры”.

Хаас полагал, что при изменении направленности лояльности в сторону наднационального центра, сформируется общность чувств и идей, что в свою очередь может стать предпосылкой для того, чтобы были созданы условия для создания политической федерации.

По мнению теоретиков неофункционализма, международные организации, которые изначально являются механизмами обеспечения наибольшей эффективности в отдельных секторах экономики, со временем преобразуются в наднациональные локомотивы политической интеграции, которая способна гарантировать безопасность и мир. При развитии самой наднациональности ни межгосударственная, ни федеративная тенденция не доминируют, ибо сама наднациональность является неким промежуточным состоянием. Движение в сторону объединения неофункционалистами рассматривается как объективный процесс, который отдельно взятые государства не в состоянии остановить.

В то же время, данный путь интеграции носит вероятностный характер (а не механический), при котором существуют довольно жесткие структурные ограничения, при котором может быть гарантирован успеха подобного объединения. Например, одним из наиболее важных структурных условий, является то, что все страны, которые идет по пути интеграции, должны разделять определенный минимум базовых правовых и политических ценностей (Цыганков 2002, 163).

Что же касается ВП, то оно представляет собой круг дружественных стран, которые делегируют политическую активность и ожидания к новому центру. Новый центр, в свою очередь, завладевает юрисдикциями национальных государств,

используя функциональный эффект перетекания, который способствует постепенной политической интеграции. Таким образом, расширение ЕС на восток в 2004 и 2007 гг, поспособствовало укреплению отраслевой интеграции и развитию Общей Внешней Политики Безопасности (Common Foreign and Security Policy), в том числе и повлияло на то, что была инициирована программа ЕПС, предполагающая интеграцию в полном объеме соседних стран, за исключением их институтов власти.

Scrinic (2014, 221) предполагает, что после подписания Соглашения об ассоциации и Соглашения о свободной торговле между ЕС и тремя государствами-партнерами, которые больше всего продвинулись по пути европейской интеграции, в ЕПС из-за эффекта цепной реакции, сектора деятельности будут более взаимозависимыми, что поспособствует укреплению управляющих органов ЕС. Противоречивым моментом является то, что с точки зрения Хааса в рамках классического неофункционализма ЕПС должна предполагать интеграцию восточно-европейских государств в сфере экономики вместе с передачей суверенитета наднациональным учреждениям.

С другой стороны, ЕПС является одной из концентрических окружностей вокруг гравитационного центра в лице ЕС (Moga, Pascariu 2013, 154). Страны реализуют только часть правовой концепции *acquis communautaire* в зависимости от пожеланий политических элит или их абсорбционной способности. События самого Вильнюсского саммита и вокруг него показали, что успехи стран ВП, в зависимости от их подхода к ЕС, соответствуют двум разным уровням в интеграционном процессе. Таким образом, значительное проевропейское стремление и приближение к стандартам и нормам Евросоюза были проявлены Грузией, Молдовой и Украиной, в то время как вторая группа, в лице Армении, Азербайджана и Беларуси, выбрала другой путь и не заинтересована в поэтапной интеграции с ЕС.

Как следствие, реализация СА и DCFTA будет иметь решающее значение для будущих отношений между ЕС и Грузией, Молдовой и Украиной. Этот вопрос касается не только судьбы этих стран, но и о демократическом преобразовании региона в целом, а также о безопасности Евросоюза. Успешная реализация соглашений также будет означать де-факто статус кандидата во вступление в ЕС для ассоциированных стран.

3.2.3. Критика неофункционализма

Стоит отметить, что ряд экспертов критически относится к некоторым аспектам данного теоретического подхода. Во-первых, несмотря на то, что неофункционализм немного отходит от классических функциональных традиций, он весьма линейно представляет процесс развития интеграции и не принимает динамику внутривполитических процессов, которые происходят в государствах-участниках интеграционных процессов (Корзун 2010, 90).

Одним из таких примеров является внутренняя ситуация в странах-партнерах, которые объявили готовность идти по европейскому пути. Картина представляется здесь крайне неоднозначной. Пробуждение гражданского общества в Украине, Молдове и Грузии является одним из наиболее важных событий и не должно быть недооценено. Новая форма отношений между властью и обществом, аналогичная западным стандартам, возникла за последние годы в данных странах, что положило конец старым отношениям между обществом и государством, которые остались в наследие от Советского Союза. Группы гражданского общества, различные неправительственные организации стали реальными игроками на разных уровнях власти, в том числе и на самых высоком. Например, гражданская платформа “Справедливости и Правды” основанная в Молдове в 2015 году мобилизовала десятки тысяч протестующих в антигосударственных протестах (Rusnac 2015).

Правящие элиты в этих странах понимают, что они не могут игнорировать активной части общества, потому что это может привести еще к более масштабным протестам, наподобие тех, что которые были в Кишиневе в 2015 году, так как большинство активной части общества в этих странах являются проевропейскими. Более того, протесты, проходившие как в Кишиневе, так и на Майдане проходили не только под флагами национальных государств, но и также под благом ЕС.

Однако, группы, придерживающиеся старого стиля поведения в политике, и поддерживающие коррупционные связи между политикой и бизнесом, по-прежнему остаются очень влиятельными во всех трех странах. К сожалению, ход реформ в трех странах шел слишком медленным темпом в 2014 и в начале 2015 года, и кажется, что ситуация еще более ухудшилась за последние месяцы. Тем самым, можно выделить две группы, которые борются за определенный режим в этих странах: первая группа желает

полностью демократического и прозрачного государства, а вторая намеревается сохранить старую и коррупционную систему отношений. Данное соперничество между двумя группами становится все более заметным и начинает играть важную роль в формировании политического ландшафта в трех странах. (Gromadzki, Sendhardt 2015, 12)

Возвращаясь обратно к критике неофункционалистического подхода, по мнению Корзуна (2010, 90) модель межгосударственного сотрудничества рассматривается неофункционалистами, по большей части, изолированно от остального мира, в то время, как внешнее влияние может оказывать реальное влияние на становление и функционирование государств, подписавших Соглашения об Ассоциации. Например, агрессия в Украине и различные меры, принятые по отношению к Грузии и Молдове со стороны России могут восприниматься как внешний фактор, оказывающий влияние на данные страны. Российские власти готовы предпринимать все возможные усилия, чтобы не допустить даже частичной интеграции стран ВП с ЕС, и с Западом в целом. Российское военное вмешательство в Украине, вероятно, будет долгосрочным и конфликт в Донбассе не будут полностью заморожен. Компромисс между Москвой и Киевом невозможен в ближайшем будущем из-за противоречивых видений будущего Украины со стороны ЕС и России. Украинские власти выбрали интеграцию с Западом, в то время как, по мнению российской правящей элиты, Украина не может интегрироваться с Западом и должна оставаться в российской зоне влияния. (Gromadzki, Sendhardt 2015, 12)

С другой стороны, наблюдается рост анти-либеральных, анти-европейских настроений и взглядов в некоторых частях общества, особенно в Грузии и Молдове. Население может поддерживать так называемые традиционные ценности, которые часто упоминаются как Православной Церковью в Грузии, так и в Молдове, которая решительно выступает против либеральных ценностей (Капанадзе 2014, 50). Эти анти-либеральные, анти-европейские настроения поддерживаются и иногда даже провоцируется Россией с помощью “мягкой силы”. Россия пытается представить себя в качестве защитника традиционных ценностей в православной общине. Российская власть и организаций, а также пророссийских неправительственные организации в Грузии и Молдове, выступает за интеграцию в Евразийский союз вместо европейской интеграции.

Неофункционализм может объяснить процесс и динамику интеграции ЕС с соседними странами, но не результат интеграции, ибо данный процесс осуществляется под руководством политических элит и лидеров различных групп интересов. Однако, политические элиты ВП, которые будучи более глубоко вовлечены в политический интеграционный процесс, в конечном счете, могут развить предпочтение и лояльность по отношению к ЕС гораздо быстрее, чем собственное население. Проевропейского риторика властей не достаточна для поддержки ЕС. Евросоюзу следует поддерживать гражданские общества, НПО и наблюдательные учреждения за властью больше, чем это было ранее. Тем самым ЕС поможет обществу сделать власть и государственные учреждения более прозрачными и менее коррумпированными. Для ЕС, отношения с гражданским обществом, неправительственными организациями и другими объединениями должны быть столь же важными, как отношения с государственной властью.

3.3. Третья школа – конструктивизм и нормативная сила

3.3.1. Конструктивизм в международных отношениях

Период 1980-х гг в международных отношениях ознаменован возникновением острейшего теоретического кризиса, потому что традиционные теории международных отношений (ТМО) не были в силах объяснить существующие явления, а также предсказать будущие тенденции и события. Таким образом, кризис положил начало т.н. третьему “большому спору” в исследованиях, который послужил почвой для оформления такого направления как конструктивизм (Цыганков 2015, 209). В последние годы конструктивистское направление международных отношений (МО), которое берет свое начало в теории социального конструктивизма, стало весьма влиятельным подходом к анализу МО. Сторонники данного направления идентифицируют себя как раз в качестве третьей силы и бросают вызов классической школе реализма и либерализма, учитывая социальные интересы в системе МО.

Немецкий конструктивист А. Вендт ставит в центр функционирования системы МО государства, которые действуют в анархичной среде, делая акцент на социальный характер МО. В центре внимания Вендта – процессы взаимодействия агентов, которые

создают социальную реальность. Стоит отметить, что сторонники конструктивизма рассматривают государство не столько как “актор”, а сколько как “агент”, что подчеркивает зависимость действий государства от социокультурного контекста (Цыганков 2010, 40). Таким образом, международная система может создаваться, трансформироваться и воспроизводиться только с помощью взаимодействия агентов. (Wendt 1999, 366). Более того, по мнению Вендта, существование структуры обусловлено социальными взаимодействиями: “Самым важным шагом является то, что мы должны понять из чего сделана международная структура. На мой взгляд, она представляет из себя именно то, что отрицает Уолц: структура представляет собой **социальный**, а не материальный феномен. Характер международной жизни определяется ожиданиями и убеждениями, которые государства имеют друг о друге, и это устанавливается социальными, а не материальными структурами. Значение материальных факторов (силы и интересов), зависит от социальной структуры системы.” (Wendt 1999, 20)

При понимании социальной структуры следует учитывать то, что агенты принимают друг друга во внимание при взаимодействии между собой. Более того, взаимодействие агентов основано на идеях о природе и о ролях “Себя и Других”. Социальные структуры, в свою же очередь, являются распределением идей. Некоторые идеи разделяются всеми агентами, другие же являются частными. Те идеи, которые являются общими и разделяются всеми, составляют культуру, которая в свой черед основывается на структуре ролей. Вендт утверждает, что “роли” являются атрибутами структуры системы, а не ее элементов “агентов”. Также, роли устанавливаются совместными позициями на основе ожиданий относительно действий друг друга (Wendt 1999, 248).

Касательно структуры и тенденций анархичных систем, то они будут зависеть от того, какая роль будет доминировать в системе. Так, Вендт, дает характеристику трем идеальным типам (структурам ролей) – это враг, соперник и друг. Также Вендт представил три соответствующих типа культур анархии – гоббсианскую, локкианскую и кантианскую. Сафронова (2014, 104) следуя данной логике делает вывод, что анархия – это то, что из нее делают государства.

Следует также уделить внимание вопросу интересов агентов и их идентичности: конструктивистское понимание МО как отношений социальных предполагает, что

структура оказывает влияние на интересы и идентичность агентов. Интересы и идентичность конструируются агентами и стоит отметить, что при изменении “структуры ролей” и “культур анархий” в основе лежат как раз изменение тех самых интересов и идентичностей акторов (Сафронова 2014, 104).

3.3.2. Роль ЕС и ассоциированных стран

Что же касается понятия мира, то с точки зрения конструктивизма, пока мир является институционально разделенным, государство имеет свою особую роль на международной арене. По утверждению Вендта, теория, которая базируется на убеждении о центральной роли государства, способна проникнуть в суть явления, которое способствует переходу от законов джунглей к верховенству права в международной системе (Wendt 1998, 54). Более того, Финнемор (1998, 100) подчеркивает, что государство в форме политической организации вскоре может обнаружить свою нефункциональность, и данная форма породила за собой множество несостоявшихся государств. Если же политическая организация не является государством, то в мировой политике оно – никто. Государства существуют, потому что их поддерживает мировая культура.

Вдобавок, конструктивисты наравне с либералами считают, что значимыми акторами либо агентами могут выступать не только государства, но также и политические образования, неправительственные организации, социальные движения и т.п. По мнению Поздняк (2005, 10) ЕС обладает пятью важнейшими критериями, которые позволяют считать союз международным актором (агентом). Это приверженность ряду общих ценностей и принципов, которые разделяются его членами; способность определять политические приоритеты и формулировать единую политику; способность вести эффективные переговоры с другими агентами международной системы; наличие политических инструментов и умение их использовать; легитимность внешнеполитических решений внутри ЕС. В данном случае ЕС предстает в качестве особого образования на международной арене, которое является, с одной стороны, агентом, а с другой стороны продуктом международной структуры.

Действительно, конструктивизм облегчает продвижение как этической внешней политики ЕС, так и свои практики и методы, подчеркивая важность идей, нравственных

норм и моральных убеждений в международной политике. Таким образом, конструктивистский подход можно найти в выступлениях представителей ЕС, которые показывают, что ЕС выстроил свою линию поведения как международный актор. (Larsen 2002, 293).

Что же касается ВП, на протяжении 8 лет существования изменился круг игроков, которые влияют на продвижение программы, были пересмотрены подходы и интересы в отношении ВП, также как и методы реализации этих интересов. В результате вступления в силу Лиссабонского договора был скорректирован институциональный механизм Восточного партнёрства. Опираясь на положения конструктивизма, согласно которому внешняя политика ЕС представляет собой процесс утверждения собственной политической идентичности, Евросоюз используя механизм ВП пытается утвердить в сознании других акторов, то есть в сознании стран-партнеров, собственные интересы и идентичность, и закрепить их принятие в формальных документах и ассоциировать их с определёнными регулярными действиями (Манжолла, Шапалова 2014, 14). Учитывая специфические свойства внешней политики ЕС, политическое и практическое содержание ВП также может изменяться в результате переосмысления установок ведущего актора.

С 2014 года сформировалось четкое разделение в рамках ВП, где с одной стороны была группа стран, которые подписали Соглашения об Ассоциации и DCFTA, а с другой остались три другие страны, которые не пожелали закрепить свои отношения с ЕС с помощью соглашений. Следует отметить, что эта разница была видна, в некоторой степени, сразу же после запуска ВП. В Азербайджане и Беларуси существуют автократические режимы с 1990-х годов и они не были заинтересованы в более тесных отношениях с ЕС, а Грузия, Молдова и Украина были больше демократические страны с избирательной демократией. Данные три страны были изначально заинтересованы интеграцией с ЕС. Тем не менее, в период между 2010 и 2014 Украина под руководством Виктора Януковича, дрейфовала в сторону авторитарного режима. Армения условно располагалась где-то между Азербайджаном и Беларусью по характеристике режима в государстве. Это четкое разделение означало конец иллюзии, что ЕС может проводить одну и ту же политику для всех шести стран, и не сможет построить кольцо из друзей в Восточной Европе, да так, чтобы у них было общее позитивное отношение к ЕС.

В результате, это привело к фундаментальной дилемме для ЕС по поводу того, следует ли Союзу глубже взаимодействовать с тремя странами, которые подписали СА и DCFTA как следствие принципа “more for more“, либо же искать наименьший общий знаменатель для всех шести партнеров, которые входят в программу ВП. Другими словами, насколько политика Евросоюза по отношению к шести странам ВП должна быть общей и насколько должна быть дифференцирована (Gromadzki, Sendhardt 2015, 10).

3.3.4. Европейский Союз как нормативная сила

Новые теоретические подходы включают определенный взгляд на ЕС в качестве нормативной модели для других регионов мира. Спор о роли европейских сообществ в системе международных отношений появился с введением термина (гражданской власти), предложенный Duchêne, который считает, что экономическая мощь будет чрезвычайно важна для продвижения европейских интересов (Scrinic 2014, 224). Критические отзывы Булла, который считал необходимым создание военной составляющей в Западной Европе (Bull 1982, 151) поднял острую дискуссию вокруг концепции власти. Исходя из предположения, что ЕС – это нормативная сила, Маннерс использует комплексный подход для выявления глобальной роли ЕС. Нормативные особенности ЕС определяются конкретным историческим контекстом и политическо-правовой основой. (Manners 2002, 240). Таким образом, нормативная этика ЕС должна основываться на “разумной” внешней политике и на производить минимум вреда (Manners 2008, 58-59) по отношению ко своим партнерам.

Концепция нормативной силы, по-видимому, является долгосрочной перспективой в мире, которая содействует развитию демократии и прав человека, устойчивому экономическому развитию, социальной справедливости, солидарности, верховенства права и благого управления. В этой связи, ЕПС представляет ЕС как “силу добра” и преподносит европейские интересы путем создания кольца хорошо управляемых государств (Barbe, Johansson-Nogues 2008, 81). Однако, в последнее время имеет место быть все больше подозрений, что акторы используют нормы для продвижения определенных интересов и таким образом, возникает проблема двойных стандартов.

Нормативный механизм ВП основывается на поэтапном предоставлении определенных преимуществ, которые последуют только после того, как будут приняты правила, стандарты и нормы ЕС странами-партнерами. Более того, на нормативное измерение возлагалось две задачи: первая – это сближение стран-партнеров с ЕС в отсутствие перспективы членства, а вторая – обеспечение безопасности самого ЕС с помощью партнеров, которые бы нейтрализовали вызовы, исходящие из неблагополучных и плохо управляемых соседей. На практике данные задачи противоречили друг другу, ибо выполнение задач зависело от различных сегментов нормативного механизма – сближение формировалось за счет привилегированных отношений, а обеспечение безопасности основывалось на принятии норм и правил ЕС странами-участниками ВП. Для ЕС приоритетом была первая задача, а переход к особым отношениям отходил на второй план (Манжола, Шапалова 2013, 21).

3.3.5. Диссонансы нормативной стратегии ЕС

По мнению Манжолы и Шапаловой (2013, 25) противоречие задач создает три диссонанса между нормативной стратегией ЕС и приоритетами стран ВП. Первый диссонанс заключается в том, что для Грузии, Украины и Молдовы, которые декларируют евроинтеграционные амбиции, на первый план выходит политический уровень отношений и конкретные достижения в плане сближения с ЕС, которые они могут предъявить здесь и сейчас, а не в отдалённом будущем. Можно сказать, что подписание соглашения об ассоциации и соглашения о зоне свободной торговли стало возможным потому, что условия в которых существуют эти три страны сильно отличаются от 1990-х годов. Было бы бы непростительной ошибкой остановиться на полпути между постсоветскими коррумпированными государствами и зрелой демократией во главе верховенства закона. Скорее всего, это последний звонок для политических элит в этих странах, а также для ЕС, принять новую реальность отношений между ассоциированными странами и Евросоюзом всерьез (Gromadzki, Sendhardt 2015, 13).

Второй диссонанс заключается в том, что отдельные элиты стран восточного соседства и Европейский Союз по-разному воспринимают “европейский выбор”. Для Брюсселя европейский выбор является как безоговорочное согласие идти

предложенным путем для стран ВП. С другой стороны, страны-партнеры не считают принятие норм и стандартов ЕС безусловной самоцелью, а лишь оценивают европейский выбор сквозь призму интересов государства и элиты.

Из второго диссонанса вытекает третий, который заключается в различных приоритетах стран ВП между местными элитами и органами ЕС. Поскольку «европейский выбор» формировался самостоятельно, он не влиял на внутривнутриполитические процессы в восточноевропейских странах, а скорее всего зависел от них. Внутренние преобразования внутри государства диктовались интересами как бюрократических, так и бизнес-кругов, и евроинтеграция далеко не всегда имела прямое отношение к происходящим процессам, а являлась прикрытием. ЕС, в свою очередь, в акцентировал внимание в документах ЕПС и ВП на тех сферах, которые имели наибольшее значение с точки зрения безопасности. Таким образом, направленность инициатив и платформ отражала видение ЕС по наиболее проблемным сферам соседних государств, а именно, институциональное управление, приграничный контроль, условия ведения бизнеса, энергетическая безопасность. Однако, восточноевропейские страны требовали, в первую очередь, модернизацию и реструктуризацию экономики. Обозначенные ЕС проблемы не могут являться первоочередными в данных государствах.

Борьба с коррупцией, настоящая антикоррупционная политика, реформы судебных органов – данные проблемы, которые чаще всего упоминаются, должны стать первоочередными для их разрешения в Украине, Грузии и Молдове. Судя по всему, реформа судебной системы будет чрезвычайно болезненной и сложным процессом, потому что высоко-коррупцированная судебная системы должна быть перестроена с нуля. Однако, это выполнить будет крайне сложно и, скорее всего, невозможно (Gromadzki, Sendhardt 2015, 17).

Более того, особое внимание должно быть уделено трем странам в оказании помощи для реализации подписанных соглашений. Акцент должен быть сделан, в первую очередь, на двусторонние отношения между ЕС и в отдельности взятым партнером. В случае с Украиной, ЕС должен помочь Киеву пережить глубокий экономический кризис. Следовательно, должна быть оказана финансовая помощь на гораздо более высоком уровне, чем это предписано в ENI. Более того, введение безвизового режима с Грузией и Украиной должно рассматриваться в качестве

краткосрочной цели. Если Украина и Грузия выполнять условия по либерализации визового режима, то ЕС не должен откладывать это 'в дальний ящик' из-за политических возражений, либо же из-за кризиса беженцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодаря исследованию трех школ современной интерпретации развития партнерства с тремя ассоциированными членами и приведению примеров по текущей работе ЕС с ВП, в данной работе было показано, что трем странам, которые подписали СА и DCFTA не следует рассчитывать на скорейшую и более глубокую интеграцию с ЕС по сравнению с интегрированием стран Центральной Европы (Чехии, Венгрии, Польши, Словакии) и Балтийских государств в 1990-х годах.

В первой главе были описаны причины появления ЕПС и ее слабые стороны, которые привели к тому, что политика распалась на две составляющие: на восточное и южное направление. Именно изначальное объединение южного и восточного направления в рамках ЕПС стало причиной «шизофриничности» Европейской политики соседства. Южные и восточные страны по-разному подошли к принятию норм и стандартов ЕС. Однако, из-за того, что в рамках ЕПС они были объединены, это послужило тому, что между ними образовалась конкуренция в условиях развития политики в одном направлении. Установленные географические рамки политики соседства требовали совершенно разного подхода к тем странам, которые они охватывали. Более того, у них были и разные перспективы и видения на интеграцию с ЕС.

Во второй главе был выявлен главный инициатор ВП в лице Польши. Само же ВП работает на двух параллельных уровнях – на двухстороннем и многостороннем. Двусторонний уровень обеспечивает работу ЕС между страной-партнером ВП по средствам поддержки реформ, устойчивого социального и экономического развития, верховенства закона, соблюдения основных прав человека и особого предложения партнерам перспективных договорных соглашений в ЕС в рамках Соглашения об ассоциации и создании Углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли (DCFTA). Однако, только в 2014 году были заключены СА и DCFTA в 2014 с тремя странами (Грузией, Республикой Молдова и Украиной) из шести имеющихся в рамках ВП.

В третьей главе были проанализированы три школы современной интерпретации развития партнерства с тремя ассоциированными членами. Украине, Молдове и Грузии не стоит рассчитывать на более глубокое партнерство в силу следующих причин: несмотря на то, что страны-партнеры ВП воспринимаются как периферией ЕС, и сложившееся ядро ЕС определяет ее развитие, путем диктата стандартов в политической, социальной и экономической сферах, политика партнерства не гарантирует будущего членства для государств в объединении. Более того, из-за отсутствия единого политического центра, можно констатировать, что само объединение, по сути, еще не является полноценным политическим образованием. Ядро, конечно же, существует но только в виде трех государств и оно является раздробленным. Поэтому ЕС, столкнувшись с рядом внутренних проблем (таких как неконтролируемый поток беженцев, кризис Еврозоны), не в состоянии продолжать дальнейшую экспансию на новых ассоциированных членов из-за того, что Брюссель в свою очередь, с его европейскими институтами, представляет собой технический центр управления и форум для обсуждения общеевропейских вопросов, но не властный центр.

В случае неофункционализма ряд экспертов критически относится к некоторым аспектам данного теоретического подхода по отношению к странам подписавших ассоциацию. Так, неофункционалисты рассматривают модель межгосударственного сотрудничества изолированно от остального мира, в то время, как внешнее влияние может оказывать реальное влияние на становление и функционирование государств государств-участников ВП. Например, агрессия в Украине и различные меры, принятые по отношению к Грузии и Молдове со стороны России могут восприниматься как внешний фактор, оказывающий влияние на данные страны.

Опираясь на положения конструктивизма, Евросоюз используя механизм ВП пытается утвердить в сознании стран-партнеров, собственные интересы и идентичность, и закрепить их принятие в формальных документах и ассоциировать их с определёнными регулярными действиями. Касательно же нормативного подхода, механизм ВП основывается на поэтапном предоставлении определенных преимуществ, которые последуют только после того, как будут приняты правила, стандарты и нормы ЕС странами-партнерами. Однако, задачи, поставленные на нормативное измерение

противоречили друг другу. Так, для ЕС приоритетом было обеспечение безопасности самого союза, а переход к особым отношениям отходил на второй план.

С помощью данных выводов автор пришел к заключению, что ни одна из школ превалирует в интерпретации развития партнерства с Грузией, Украиной и Молдовой. Проект ВП представляет собой весьма неопределенный механизм стимулирования внутренних изменений в государствах-участниках ВП с помощью предоставления частичных рамок вовлечения в европейские интеграционные процессы с помощью СА и зоны свободной торговли. Более того, ВП не представляет собой геополитический проект, потому что изначально на этот проект возлагались задачи по стабилизации, которые приведут к сдвигам геополитического пространства в Восточной Европе. Однако, ключевые инструменты – СА и DCFTA – не могут изменить геополитическое пространство, они только дают начало для его постепенного изменения. Вдобавок, готовность к изменениям зависит от самих стран-партнеров воплощать и разделять стратегию ЕС.

SUMMARY

THE EUROPEAN UNION'S PARTNERSHIP WITH GEORGIA, MOLDOVA AND UKRAINE: A FUNCTIONAL "ASSOCIATION GAME", OR GEOPOLITICS OF THE MODERN EMPIRE

Kristina Tsaikina

Through the study of three schools of modern interpretation of the development eastern partnership with three associated members and through bringing examples of current work of the EU with EAP, there was shown that the three countries which have signed the Association Agreement (AA) and Deep and Comprehensive Free Trade Area (DCFTA) should not count on a rapid and deeper integration with the EU, as it was done with Central European countries (Czech Republic, Hungary, Poland, Slovakia) and the Baltic States in 1990-s.

In the first chapter are described the causes of the creation of European Neighborhood Policy (ENP) and its weaknesses, which led to the fact that policy has split into two dimensions: on the eastern and southern. Due to the fact that these two dimensions were united within the framework of the ENP from the beginning, there was internal competition between countries. Established geographical scope of the neighborhood policy demanded a completely different approach to those countries. Moreover, they had different perspectives and visions on integration with the EU.

In the second chapter Poland is identified the main initiator of the Eastern Partnership (EAP). USA, in own turn, saw in the EAP as an additional resource for attenuation relations of post-Soviet States with Russia. EAP works on two parallel levels: bilateral and multilateral. Bilateral level provides operation between the EU partner country of the EAP through sustainable social and economic development, rule of law, respect for fundamental human rights and through special offers for partners of prospective contractual agreements with the EU in terms of the Association Agreement and the Deep and

comprehensive free trade area (DCFTA). However, only in 2014 has been signed the AA and DCFTA with Georgia, Moldova and Ukraine.

The third chapter is analyzing three schools of modern interpretation of the development partnership with three associated members. Ukraine, Moldova and Georgia should not expect a deeper partnership for the following reasons: despite the fact, that EAP partner countries are perceived as the periphery of the EU, the union determines partner's countries development, by the dictating of the standards in the political, social and economic spheres. However, due to the absence of a single political centre in the EU, it is possible to state, that the union is not yet a full political education. The core, of course, exists, but only in a face of three states. Therefore, the EU, have faced with some internal problems (such as the uncontrolled flow of refugees, the Eurozone crisis), and unable to continue further expansion to new associate members.

In the case of neofunctionalism, scholars consider a model of intergovernmental cooperation in isolation from the rest of the world, however, external influence can have a real impact on the formation and functioning of the national states. For example, aggression in Ukraine and the various measures taken in relation to Georgia and Moldova by Russia, can be perceived as an external factor, which is influencing on internal development of associated countries.

Relying on the statements of constructivism, the EU through the mechanism of the EAP is trying to assert in the minds of the partner countries its own interests and identity, and trying also to secure their adoption in formal documents. Concerning the normative approach, the EAP mechanism is based on the gradual providing of specific benefits for partner countries, that will follow only after adopting EU's rules, standards and norms by the partner. However, the tasks contradicted to each other. For instance, for the EU the priority was to ensure the safety of the Union, however, the change in a special relation with associated countries was left aside.

With described above deductions, author came to the conclusion that none of the school prevails in the interpretation of the development of partnership with Georgia, Ukraine and Moldova. The EAP project is a very uncertain mechanism to stimulate internal changes in the associated countries by providing a partial framework for engaging in the European integration processes with the help of the AA and DCFTA. The aim, which was initially

indicated in the introduction, are done. They are done by analyzing the books, articles and press related to the subject.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Barbe, J., Johansson-Nogues, E. (2008). The EU as a modest “force for good”: the European Neighbourhood Policy – *International Affairs*, Vol. 84, No. 1, pp. 81–96.

Bosse, G. (2014) The Eastern Partnership and the disintegration of Eastern Europe: The end of the region-building project?

[https://www.academia.edu/8801657/The_Eastern_Partnership_and_the_disintegration_of_Eastern_Europe_The_end_of_the_regionbuilding_project_Giselle_Bosse_\(01.11.2015\)](https://www.academia.edu/8801657/The_Eastern_Partnership_and_the_disintegration_of_Eastern_Europe_The_end_of_the_regionbuilding_project_Giselle_Bosse_(01.11.2015))

Bull, H. (1982). Civilian Power Europe: A Contradiction in Terms? – *Journal of Common Market Studies*, Vol. 21, No. 2, pp. 149-164.

Dimitrovova, B. (2012). Imperial re-bordering of Europe: the case of the European Neighbourhood Policy – *Cambridge Review of International Affairs*, Vol. 25, Iss. 2, pp. 249-267.

EU Relations with Eastern Partnership.

http://eeas.europa.eu/eastern/about/index_en.htm (19.10.2015)

The Eastern Partnership – Frequently Asked Questions (FAQ)

http://eeas.europa.eu/eastern/faq/index_en.htm (19.10.2015)

European Neighbourhood Policy. Strategy paper (2004). Resource document. Commission of the European communities. Brussels, 12.5.2004 COM (2004) 373 final

<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52004DC0373&from=EN>
(25.09.2015)

Ferrero-Waldner, B. (2009). Eastern Partnership – an ambitious project for 21st century European foreign policy.

http://eeas.europa.eu/eastern/docs/eastern_partnership_article_bfw_en.pdf (14.11.2015)

Gravier, M. (2009). The next European empire? – *European Societies*, Vol. 11, No. 5, pp. 627-647.

Gromadzki, G., Sendhardt, B. (2015). Eastern Partnership Revisited. Associated Countries in Focus.

<http://library.fes.de/pdf-files/bueros/warschau/12002.pdf> (10.11.2015)

Haas, E. (2003). The Uniting of Europe – *The European Union: reading on the Theory and Practice of European Integration*, pp. 145-149.

Howe, S. (2002). *Empire: a very short introduction*. Oxford: Oxford University Press.

Jarábik, B., Kobzová, J. (2011). European Neighbourhood Policy: addressing myths, narrowing focus, improving implementation – *Centre for European Studies*. Vol. 10, No 1.

Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit. Brussels, 7 May 2009. 8435/09 (Presse 78).

http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/107589.pdf
(22.10.2015)

Larsen, H. (2002). The EU: A Global Military Actor? – *Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association*, Vol. 37, No. 3, pp. 283–302.

Lindberg, L. (2003). Political Integration: Definitions and Hypotheses – *The European Union: reading on the Theory and Practice of European Integration*, pp. 151-162.

Manners, I. (2002). Normative Power Europe: a Contradiction in Terms? – *Journal of Common Market Studies*, Vol. 40. No. 2, pp. 235-258.

Manners, I. (2008). The normative ethics of the European Union – *International Affairs*, Vol. 84, No. 1, pp. 45–60.

Moga, T., Pascariu, C. (2013). The Eastern Partnership – a strong incentive for reform? – *The EU as a model of soft power in the Eastern neighbourhood*, EURINT Conference Proceedings, pp. 152-161.

Münkler, H. (2010). Imperium und Imperialismus. Version: 1.0, in: DocupediaZeitgeschichte. In German
<http://docupedia.de/zg/Imperium> (1.11.2015)

Pop, V. (2010). EU says not competing with Russia in eastern neighbourhood.
<https://euobserver.com/foreign/30070> (15.10.2015)

Rusnac, C. (2015). 10,000 protest in Moldova over missing \$1.5 billion
<http://www.businessinsider.com/ap-10000-protest-in-moldova-over-missing-1.5-billion-2015-10> (8.11.2015)

Scrinic, A. (2014). The Eastern Partnership as part of the EU foreign policy: a review of theoretical approaches. P. 219-230
http://cse.uaic.ro/eurint/proceedings/index_htm_files/EURINT2014_SCR.pdf (5.11.2015)

Waterfield, B. (2007). Barroso hails the European empire. *Telegraph.co.uk*
<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1557143/Barroso-hails-the-European-empire.html> (28.09.2015)

Wendt, A. (1999). *Social Theory of International Politics*. Cambridge University Press.

Zielonka, J. (2012). Empires and the modern international system. – *Geopolitics*, Vol. 17, No 3, pp. 502-525.

Zielonka, J. (2006). *Europe as Empire. The nature of the enlarged European Union*. Oxford: Oxford University Press.

Буторина, О.В. (2011) *Европейская интеграция: Учебник*. Москва: Издательский Дом “Деловая литература”.

Бусыгина, И., Филиппов М. (2010). *Евросоюз: от частного к общему*.

http://www.globalaffairs.ru/number/n_14566

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН, 24 октября 1970

http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (10.10.2015)

Забелин, С.А. (2014). *Восточное партнёрство: от Праги до Вильнюса. Эволюция идеи. – Сборник статей: Восточное партнёрство до и после Вильнюса*, под ред. А.А. Язьковой. No. 301. Москва: Институт Европы РАН

Капанадзе, С. (2014). *Мифологизация ЕС как отрицательной организации: ситуация в Грузии. – Мифы о ЕС и реальность в странах Восточного партнёрства*, стр. 41-52

<http://grass.org.ge/wp-content/uploads/2014/11/EaP-publication.pdf> (14.11.2015)

Кузнецов, А.И. (2009). *Добрососедство и Европейская Политика Соседства – в чем различие? – Журнал: Балтийский регион, №2*

<http://cyberleninka.ru/article/n/dobrososedstvo-i-evropeyskaya-politika-sosedstva-v-chem-razlichie> (10.09.2015)

Корзун, П.А. (2010). *Диссертация “Восточное направление политики соседства Европейского союза”*. Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва

Лидеры ЕС одобрили политику Восточного партнерства. От властей Беларуси ждут реформ. (2008).

<http://charter97.org/ru/news/2008/12/12/13056/> (6.10.2015)

Манжола, В., Шаповалова, А. (2013). Восточное партнёрство. От нормативного к геополитическому проекту – *Восточное Партнерство Цели – опыт – вызовы. Анализ Процесса имплементации в государствах охваченных программой*, Краков: księgarnia akademicka, стр. 13-35.

Мендкович, Н. (2014). Стратегия и идеология в проекте ЕС “Восточное партнерство”. – *Аналитическое агентство Внешняя политика*.

<http://www.foreignpolicy.ru/analyses/eu-eastern-partnership/> (15.10.2015)

Мирзаян, Г. (2015) Клиническая смерть.

<http://lenta.ru/articles/2015/05/26/vp/> (11.10.2015)

Новоселов, С.В. (2013). “Восточное партнерство” как “мягкая сила” Европейского Союза на постсоветском пространстве. – *Научный журнал: каспийский регион: политика, экономика, культура*, №4, стр. 87-93.

Офицеров-Бельский, Д.В. (2013). От соперничества к конкуренции: “Восточное партнерство” во внешней политике Польши. – *Журнал Мировое развитие: Конкуренция и конфликтность в мировой экономике и политике*, № 10, стр. 151-161.

<http://publications.hse.ru/en/chapters/98608457> (10.10.15)

Поздняк, В. Э. (2005). ЕС и Беларусь: транзит (без)опасности.

<http://library.fes.de/pdf-files/bueros/belarus/07064.pdf> (12.11.2015)

Сафронова, О.В. (2004) К вопросу о генеалогии конструктивизма в теории международных отношений. – *Вестник Нижегородского университета им.Н.И.Лобачевского. Серия «Международные отношения, Политология,*

Регионоведение», Выпуск 1(2). Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, стр 99-105.

<http://www.twirpx.com/file/895180/> (17.11.2015)

Сообщение Европейской Комиссии для Европейского Парламента и Европейского Совета. Восточное партнерство, 3 декабря 2008, COM(2008) 823 final.

http://eeas.europa.eu/eastern/docs/com08_823_ru.pdf (09.09.15)

Сергунин, А. (2010) Восточное измерение ЕС и Россия

<http://polit.ru/article/2010/03/18/relation/> (25.10.2015)

Уайт, С. (2014). Европейский союз, Восточная Европа и "империализм ценностей". – *Вестник МГИМО-Университета*. № 4(37), стр. 116-124.

Феоктистов, Г.Г. (2000). Империя как тип структурного деления мира. – *Научный журнал: Общественные науки и современность*, №2, стр. 103-110.

<http://ecsocman.hse.ru/data/762/561/1216/011fEOKTISTOW.pdf> (1.11.2015)

Федорцев, В.А. (2012). Восточное направление европейской политики соседства: особенности становления и развития. – *Журнал: Проблемы национальной стратегии*, №2 (11), стр 27-48.

http://riss.ru/images/pdf/journal/2012/2/06_%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%D1%86%D0%B5%D0%B2.pdf (15.10.2015)

Финнемор, М. (1998) Нормы, культура и мировая политика с позиций социологического институционализма – *Международные отношения: социологические подходы*. Москва: издательство “Гардарика”.

Ханна, П. (2010). Второй мир. Москва: Центр исследования постиндустриального общества. Изд-во: “Европа”.

Цыганков, П.А., Цыганков А.П. (2008). Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий: Учебное пособие. Москва: Издательство “Аспект Пресс”.

Цыганков, П.А. (2010). Акторы и факторы в международных отношениях и мировой политике.

http://polit.msu.ru/pub/unm_mpmo/library/Actori_i_Factori.pdf (9.11.2015)

Цыганков, П.А. (2002). Теория международных отношений: Хрестоматия. Москва: Издательство “Гардарика”.

Шишков, В.В. (2014) Европейский союз: от идеи наднационального суверенитета – к новой Западноевропейской “империи”. – *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, №14, вып. 1, стр 93-106.

Яровой, Г.О. (2006). Автореферат на диссертацию Трансграничная региональная интеграция в европе. Проблемы и перспективы развития «внешних» еврорегионов на примере еврорегиона “Карелия”. Санкт-Петербург

http://old.petsu.ru/Chairs/Inter_rel/autoref.pdf (1.11.2015)